

Глава 1

— Что ж ты такое задумал, Александр Петрович? Ни стыда, ни совести — старую выгнать... Да чего ж я тебе сделала?!

Арина Степановна, еще пару минут назад бывшая крепостной крестьянкой, выглядела недовольной. Нет, даже не так — взвинченной, раздосадованной и, похоже, готовой скандалить хоть до самого обеда. Дед предупреждал, что просто не будет. И благоразумно опасался — настолько, что на целое утро даже уступил мне место в собственном кабинете.

И это вселяло хоть какую-то уверенность в том, что разгневанная пожилая женщина не запустит мне в голову чернильницей или телефонным аппаратом: все-таки нас разделяла здоровенная столешница из дуба. Впрочем, даже несмотря на это, в безопасности я себя не чувствовал. Хотелось спрятать глаза, удрать, оказаться где-нибудь подальше отсюда, промолчать — или спросить совета у резного чертика на оставленной дедом трубке.

Но его темнейшество молчал и как будто даже чуть косился куда-то в стену, словно делая вид, что все происходящее его и вовсе не касается. И никаких советов давать, ясное дело, не собирался. Дескать — выкручивайся сам, Горчаков.

И я выкручивался.

— Признаю ваше право быть не в духе, Арина Степановна. — Я постарался выдавить из себя улыбку. — Хотя

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

и не вполне понимаю причины такого расстройства. Я всего лишь...

— Не понимает он... Да я ж тебя вот такого помню! — Старушка показала ладонью что-то вроде метра с кепкой от пола. — Все на кухню ко мне бегал, когда Мишка прохода не давал. А теперь чего? Взрослый стал, силы набрался — значит, все можно?!

Да уж. Похоже, это будет даже сложнее, чем я думал.

— В первую очередь вы должны понять, что никаких особенных перемен ваше новое положение не подразумевает, — терпеливо проговорил я. — Ни при каких обстоятельствах.

— Ну за что ты так со мной, Сашенька? — Арина Степановна вдруг обмякла в кресле и всхлипнула. — Пожалей, не гони старую...

— Да никто вас и не гонит! — не выдержал я. — И даже не думает! Ну поймите же вы, наконец: все будет точно так же, как и раньше! Вы останетесь в усадьбе, сохраните свою работу и обязанности — просто будете считаться свободным человеком! Получите жалованье...

— И на кой мне это жалованье твое? — Арина Степановна всплеснула руками. — Может, кому и надо — а мне милость Горчаковых всегда дороже была... Зачем лишаешь?

— Не лишаю. — Я кончиками пальцев пододвинул к краю стола только что подписанную бумагу. — Вы продолжите служить роду — конечно же, если того пожелаете... Ну сами подумайте, Арина Степановна: куда мы без вас? Пропадем ведь!

Почти полминуты мы сидели молча, и я понял — гроза миновала. Неуклюжая лесть сработала там, где убеждение оказалось бессильно. Глубокая морщина на лбу Арины Степановны разгладилась — и теперь вели-

кая домоправительница выглядела скорее удивленной и чуть потерянной, чем сердитой.

— Пропадете, конечно... Ладно уж, послушаю я тебя, — с явной неохотой проговорила она. — Только разве иначе нельзя, Сашенька? Чтобы все по-старому...

— Нельзя, — отрезал я. — Вы не хуже меня знаете, что все это коснется не только вас. Перемены порой необходимы.

— Да знаешь, где я эти перемены видела, Сашенька? — Арина Степановна снова сердито нахмурилась и уперлась руками в бока. — Придумают этих... реформ своих, а простым людям...

— Я попросил бы! — чуть подался я вперед. — Разумеется, вам дозволено говорить мне все что угодно... Но только с глазу на глаз. Здесь, в этом кабинете, — и нигде более. Однако я буду очень опечален услышать подобное в усадьбе — или за ее пределами... И особенно — от вас. Понимаете, Арина Степановна?

Мне не пришлось даже повышать голос — хватило и Дара, на мгновение вырвавшегося на свободу без моего желанья... почти. Стекла едва слышно задребезжали, воздух в кабинете похолодел на пару градусов, а Арина Степановна съезжилась в кресле напротив, разом потеряв весь задор.

— Понимаю, Александр Петрович, понимаю... — закивала она. — Надо — значит, надо.

— Вот и славно. — Я откинулся и даже позволил себе чуть потянуться в кресле. — Ступайте, занимайтесь делом — как положено... И мне бы чаю еще.

— Все сделаю, Александр Петрович. Сейчас же велью. — Арина Степановна поднялась с кресла, засеменила к выходу и уже у самой двери, оглянувшись, добавила: — Вы только не сердитесь, простите старую.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

А то как зыркнете — душа в пятки уходит... Вылитый дед, ей-богу!

В любой другой день такое сравнение мне, пожалуй, даже польстило бы. Вот только сегодня я полностью сосредоточился на происходящем. Непростая беседа завершилась, но теперь мне предстояла еще одна схватка с разгневанной женщиной.

И — чего уж там — куда более серьезная.

Воронцова вошла в кабинет быстрым шагом — и все же успела бросить на Арину Степановну красочно-презрительный взгляд. Как же иначе — родовитую аристократку вызвали на ковер, как нашкодившую гимназистку, заставили ожидать — да еще и приняли после какой-то там крепостной старушенции.

Я с трудом удержал улыбку, вспомнив, что одна гостя была старше другой от силы лет на двенадцать.

Но выглядела княгиня, конечно же, превосходно и даже обворожительно. Роскошное темно-синее платье с декольте, тонкая шерстяная накидка на плечи, которая одна наверняка стоила дороже всего гардероба Арины Степановны вместе взятого. Туфли на высоченном каблуке. И, разумеется, внешность. Подаренная самой природой и доведенная до совершенства косметикой из Парижа и родовым Даром. Простой смертный наверняка потерял бы голову, окажись с ним рядом такая женщина.

Не то чтобы на меня совсем не действовала притягательность Воронцовой — и все же я видел чуть больше, чем другие.

Ее сиятельство изменилась. Сухость кожи не могли скрыть даже дорожные кремы. В волосах не было ни единого седого — но уже благодаря краске, а в уголках глаз собрались крохотные морщинки. И даже сам Дар, истинная сущность княгини, — съезился, пожух и ослаб. Она до сих пор превосходила меня по магическому клас-

су — формально, во всяком случае. Вот только теперь я без труда «считывал» ее — и вряд ли Воронцова смогла бы мне помешать... Даже если бы почувствовала.

Несколько месяцев вдали от родового Источника сделали свое дело, а собственных сил поймать ускользающую молодость уже не хватило. Княгиня постарела — и внешне, и внутри. Она без приглашения уселась в кресло напротив, метала глазами молнии, безо всякого стеснения буквально давила меня своей выдающейся... ну, скажем, харизмой — но настоящей, истинной уверенности у нее не осталось и капли. Только страх, который я ощущал почти физически.

— Это неслыханно, князь! — Воронцова явно подготовила гневную речь заранее. — Заставить женщину подняться в такую рань, ехать...

— Доброго утра, ваше сиятельство... Присаживайтесь, пожалуйста. — Я указал на кресло, которое Воронцова уже и так успела занять. — Вы ведь догадываетесь, для чего я вас позвал?

— Не имею и малейшего представления! — скривилась Воронцова. — Если уж вам так хотелось лицезреть мою персону — могли бы потрудиться приехать в город или хотя бы...

— Господин имеет право призвать вассала. Но никак не наоборот. — Я пожал плечами. — И не вижу ничего неправильного в том, что я этим правом воспользовался.

— Правом? — Воронцова в очередной раз изобразила праведное возмущение, но совсем неудачно. — Думаете, если я назвала вас своим господином и защитником, вам позволено...

— Именно так я и думаю, — отрезал я. — Вернее, точно знаю, что мне позволено, а что нет. И поэтому вы ответите на все мои вопросы. По своей воле — или даже против таковой, если я того пожелаю.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Мой Дар освободился лишь на мгновение — однако этого хватило, чтобы Воронцова поняла: я не только прекрасно осведомлен о заклании Приоритета, но и сумею им воспользоваться. Хватит и умения, и силы.

И уж тем более — наглости.

— Прошу меня извинить, князь. — Воронцова склонила голову. — Я забылась.

— Всякое бывает, — улыбнулся я. — Где ваш сын... Дмитрий, кажется?

Разумеется, я прекрасно помнил имя наследника рода — со дня нашей дуэли не прошло и года. Зато теперь Воронцова наверняка сообразила: его мнение насчет всего, что было или будет сегодня сказано, меня ничуть не волнует... И что я не постесняюсь использовать любые рычаги, какие окажутся под рукой.

На мгновение в глазах княгини мелькнула злоба, потом страх — но они тут же сменились тоской.

— Сейчас Дмитрий в Париже, — негромко проговорила она. — Впрочем, я не понимаю, какое отношение...

— Вот и славно. — Я махнул рукой. — Пусть там и остается — меньше будет шуму. Родовой Источник Воронцовых сейчас подчиняется вам, не так ли?

— Да. Формально, во всяком случае.

На этот раз в глазах княгини не было и намека на удивление — только тревога. Похоже, ее сиятельство уже успела сообразить, к чему я клоню.

— Отлично. Значит, все именно так, как я и предполагал. — Я удовлетворенно кивнул. — Вы отлучите своего сына от рода.

— Что?..

— Я не собираюсь требовать суда или даже появления Дмитрия в столице. Хотя, как вы понимаете, мог бы. Но для всех будет лучше, если он вообще больше никогда не вернется в Россию. И даже сменит фамилию. — Я сделал

паузу и покосился на висевшие на стене часы. — Разумеется, я не буду возражать, если вы назначите ему достойное пожизненное содержание.

Воронцова нервно усмехнулась — так, будто приняла все, что я говорил, за какую-то нелепую шутку. И только через несколько мгновений замерла, сверкнула глазами, побледнела — и наконец заговорила.

— Вы вообще понимаете, чего хотите, князь? — кое-как выдавила она. — Если хоть на минуту представить, что я сделаю подобное... род Воронцовых прервется!

— Отчего же? — Я откинулся на спинку дедова кресла, усаживаясь поудобнее. — Вы, княгиня, еще молодая и — смею заметить — в высшей степени привлекательная женщина. Ничто не мешает вам снова выйти замуж. К примеру, за одного из вассалов моего деда... Скажите, вы знакомы с бароном Штольцем? Да, он уже не так молод, его сложно назвать красавцем, и все же...

— Вы сошли с ума, князь?! — прошипела Воронцова. — Я никогда в жизни...

— Не стоит зарекаться. Итак, повторяю. — Я чуть подался вперед. — Вы выйдете замуж, княгиня. И когда законный супруг потребует наследника — вы подарите ему Одаренного мальчика. Родите или усыновите — на ваше усмотрение. Ваш сын будет носить двойную фамилию и унаследует все достояние и силу обеих семей — если получит благословение государыни, конечно же... Но все вопросы с ее величеством я любезно возьму на себя — в знак особого почтения к вам, княгиня.

— Вот как? — Воронцова злобно ухмыльнулась. — А может, это вы унаследуете все достояние Воронцовых, сделав главой рода игрушечного князька, марионетку вашего дедушки?

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

— Приятно беседовать с женщиной, чей ум не способна затмить даже красота. — Я сложил пальцы домиком. — Надеюсь, мы поняли друг друга.

— Вы смешны, князь. — Воронцова выдавила из себя натужно-фальшивое хихиканье. — Строите из себя невесть кого. Мы ведь оба знаем, что я не выйду замуж по вашей указке... Тем более — за нищего барона!

— И вот вы уже торгуетесь, княгиня, — невозмутимо отозвался я. — Что ж, извольте: мы вместе выберем для вас достойного супруга — спешить ни к чему. Пока мне будет достаточно и вашей подписи на документах. Я уже велел поверенным подготовить все необходимое.

— Хватит нести чушь! — не выдержала Воронцова. — Вы не имеете никакого права так поступать с моим родом! И если сейчас же не прекратите — я немедленно поеду напрямик в Зимний и буду требовать у ее величества защиты. Вы не понимаете...

— Нет, это вы не понимаете, княгиня.

На сей раз обошелся даже без Дара — просто посмотрел на Воронцову так, что она тут же осеклась и умолкла. Злобно сверкнула глазами и прикрыла декольте платком, понемногу съеживаясь в кресле, будто сдуваясь.

— Ни вы, ни ваш сын сейчас не в том положении, чтобы чего-то требовать у государыни, — продолжил я. — И именно поэтому я имею право на все. А вот вы — напротив, все свои права потеряли. — Я облокотился на стол. — Потеряли в тот самый момент, когда решили бежать из страны вместо того, чтобы исполнить свои прямые обязательства по отношению к короне и своему господину. То есть — мне.

— Вы ведь прекрасно знаете, князь, — полушепотом отозвалась Воронцова. — Знаете, что тогда творилось. Я... я испугалась — и за сына, и за саму себя.

— Как и все мы. Не сомневаюсь, каждый, кто погиб в ту ночь у стен Зимнего дворца, боялся. Но эти люди, многих из которых я знал лично, выполняли свой долг до конца. — Я покачал головой. — В то время как вы, княгиня, пили в Париже шампанское. И пусть никто еще не назвал ваше решение изменой — оно, вне всяких сомнений, является таковой.

— Нет! — выдохнула Воронцова. — Я не солдат, в отличие от вас, князь! И я не обязана...

— В первую очередь вы аристократ, человек дворянского происхождения. И к тому же наделенный властью и Даром. Ваш долг перед короной, государством и народом неизмеримо выше даже воинской присяги или клятвы, которую вы дали мне лично. Однако вы предпочли позабыть обо всем. И именно поэтому, княгиня... — Я поймал взгляд Воронцовой и, сделав паузу, тихо закончил: — Вы будете делать все, что я скажу.

— Нет... Вы не посмеете.

На ее сиятельство было жалко смотреть. В дедов кабинет заходила уставшая, но все еще уверенная в собственных силах женщина. А теперь я видел перед собой перепуганное существо, у которого не хватало отваги даже взглянуть мне в глаза.

— Конечно, я никак не могу помешать вам хоть сейчас бежать и жаловаться государыне... да и не собираюсь. — Я заговорил еще тише. — Вот только если вы сейчас заявитесь в Зимний с жалобами на мои грехи, то в первую очередь будьте готовы ответить за свои собственные. И едва ли ее величество окажется к вам столь же благосклонна, как я.

Воронцова не ответила. Сидела молча минуту или две, чуть покачиваясь вперед-назад, — и только потом поднялась и, не попрощавшись, направилась к выходу. И я уже решил было, что разговор окончен раз и навсегда.

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

да, но ее сиятельство, похоже, слишком сильно желала, чтобы последнее слово все-таки осталось за ней.

— Будьте осторожны, князь, — ледяным тоном произнесла она, на ходу оборачиваясь прямо перед дверью. — Пусть сейчас вы можете позволить себе многое — это не продлится вечно. Не стоит забывать — у рода Горчаковых немало врагов, и подобными решениями вы лишь увеличиваете их число.

— Охотно верю, — пожал я плечами. — Впрочем, и вы не забывайте, что обычно происходит с моими врагами, — чтобы ненароком не повторить их судьбу... Доброго дня, княгиня.

Через несколько мгновений цокот каблуков Воронцовой стих в коридоре. Тем не менее одного меня оставили ненадолго: не успел я разложить на столе документы, как в дверь постучали.

— Чай, ваше сиятельство. Арина Степановна велела — говорит, вы изволили...

Незнакомый голос принадлежал женщине. Скорее, даже совсем молоденькой девушке. Звучал он совсем негромко, даже робко и как-то по-особенному мило. Будто его обладательница не просто выполняла свою работу, но и действительно была рада самой возможности услужить мне.

Две встречи с особами женского пола этим утром получились не из простых — а вот третья, похоже, вполне могла оказаться приятной.

Глава 2

Барышня с чашкой чая на блюдце оказалась симпатичной. Она явно была года на два или три старше меня, но я почему-то сразу определил ее в девчонки. То ли из-за того, что сам сидел в кресле хозяина усадьбы и всех владений рода Горчаковых и ощущал себя за пределами серьезным и взрослым, то ли из-за внешности.

Природа щедро наделила девушку и ростом, и весьма зрелыми формами, которые не очень-то скрывала одежда, — но личико ее почему-то казалось юным, почти детским. Миленьким и чуть заspanным, будто его обладательница только что встала с постели и тут же принялась за работу.

Странно. Арина Степановна начинала гонять свою кухонную гвардию чуть ли не с пяти утра — за час-полтора до того, как просыпалась остальная прислуга и усадьба оживала. А девушка была не одной из горничных, а именно с кухни, судя по одежде: белоснежному переднику на белом же то ли халате, то ли платье по колено. Скорее всего, кто-то из младших поварих или совсем низкоранговая прислуга из разряда «подай-принеси», из новеньких.

Вторая странность: обычно на кухню брали девушек... скажем так, попроще — а такая красotka вполне могла бы рассчитывать стать кем-то из домашней прислуги. А то и податься на заработки в город. Ни я, ни братья, ни уж тем более дед никогда не были ценителя-